

Тан Жуань Цин сухо кашлянул и перевёл взгляд на подлокотник дивана. Диван был, надо сказать, весьма и весьма неплох: обивка радовала глаз ровным, насыщенным цветом, а узор отличался свежестью и изысканностью.

"Хорош, хорош, превосходен", – мысленно похвалил он, не в силах отыскать более подходящего занятия для своего взора.

Ло Янь Цянь зыркнул исподлобья на сидевшего напротив Тан Жуань Цина, затем перевёл взгляд на Шань Я Туна, который по-прежнему стоял с чашками в руках, и, опустив голову, замолчал, не проронив ни слова.

Шань Я Тун поставил перед ними по чашке с чаем, сам же опустился на длинный диван между ними, взял с журнального столика пульт и включил телевизор.

– Убирать квартиру – то ещё удовольствие, – произнёс он с лёгкой укоризной. – Вы что, не в курсе?

– А ты разве не нанимаешь кого-нибудь для уборки? – поднял голову Ло Янь Цянь, удивлённо вскинув брови, но, наткнувшись на взгляд Шань Я Туна, тут же послушно опустил глаза. Похоже, Шань Я Тун был серьёзно рассержен, и в этот миг Ло Янь Цянь уже напрочь позабыл, зачем, собственно, явился, – его посетило лишь отчётливое осознание: если Шань Я Тун взорвётся гневом, это будет поистине страшно.

– Не каждый может позволить себе нанимать прислугу, – Шань Я Тун положил пульт, и при одной лишь мысли об уборке в голове у него начинало ныть. Он потёр виски. – Ты сегодня зачем пришёл?

Ло Янь Цянь наблюдал за его жестом, но, поскольку рука Шань Я Туна скрывала выражение его лица, разобрать, что тот чувствует, было невозможно. Быть может, его неосторожно обронённые слова невольно задели юношу за живое.

– Прости, я не то имел в виду, – Ло Янь Цянь в очередной раз убедился, что в присутствии Шань Я Туна его речь то и дело спотыкается, словно натываясь на невидимые препятствия. Он почесал затылок. – Ну... я правда не то хотел сказать, я просто... – он запнулся, взглянул на Тан Жуань Цина, который сидел напротив с той же полунасмешливой улыбкой, и в одно мгновение почувствовал себя до крайности неловко.

Шань Я Тун бросил быстрый взгляд на Тан Жуань Цина, затем снова взял пульт и принялся переключать каналы – без тени удивления он наткнулся на репортаж, посвящённый собственной персоне.

Внимание Ло Янь Цяня привлекло упоминание его имени в телевизионном сюжете. Он и Я Тун – гомосексуалы?

Ло Янь Цянь нахмурился. Вот оно что? Значит, поэтому Я Тун стал избегать его? Для артиста слухи о гомосексуальной ориентации – и впрямь крайне разрушительный удар по репутации.

Шань Я Тун переключил на другой канал – и там тоже говорили о нём. Он взглянул на часы: половина шестого вечера. В самое время для вечерних развлекательных программ всех центральных телеканалов. Он поднялся, собираясь налить себе стакан простой воды: сегодня он уже выпил чашку чёрного чая, и ещё одна могла бы пагубно отразиться на голосовых связках.

– Я Тун, я... – Ло Янь Цянь смущённо встал, обеспокоенно глядя в спину юноши.

Шань Я Тун остановился, сунул руки в карманы брюк и, не оборачиваясь, спросил с безразличным видом:

– Что ты хотел сказать?

Ло Янь Цянь не знал, как задать мучивший его вопрос, прятанный в глубине души; губы его дрогнули, но из горла вырвался лишь бессвязный, лишённый смысла звук.

Тан Жуань Цин по-прежнему с той же загадочной полуулыбкой взирал на телевизионный экран, словно не замечая той напряжённой неловкости, что возникла между Ло Янь Цянем и Шань Я Туном, хотя оба они уже были общеизвестными героями набивших оскомину любовных сплетен.

Шань Я Тун скользнул взглядом по мужчине, который с самого начала почти не проронил ни слова, сидя перед телевизором, и едва заметно улыбнулся:

– Посиди пока, я только за водой схожу.

Ло Янь Цянь, казалось, нашёл благовидный предлог не произносить своих невысказанных слов, и вновь опустился на диван, взял стоявший перед ним чай и принялся нервно прихлёбывать.

Чай в чашке Тан Жуань Цина остался нетронутым. Он перевёл взгляд в сторону кухни, где Шань Я Тун наливал воду из кулера.

Тан Жуань Цин никогда не любил чёрный чай. Никогда. И те, кто приглашал его в гости, также никогда не предлагали ему этого напитка. В памяти всплывало лишь одно исключение: когда-то Цзин Ань Цзюэ угостил его чёрным чаем. С тех пор никто больше не осмеливался испытывать его гастрономические пристрастия.

Увидев, что юноша возвращается со стаканом ледяной воды, он слегка нахмурился. Актёр – и пьёт ледяную воду, которая раздражает горло? Неужели у него нет диетолога, который объяснил бы ему, что можно, а что категорически нельзя?

Шань Я Тун опустился на диван, и его тело утонуло в мягких подушках, отчего вода в стакане накренилась, грозя пролиться.

Тан Жуань Цин одним движением выхватил у него стакан и поставил слева от себя.

- Актёру не пристало пить такое, – бросил он.

Шань Я Тун лишь пожал плечами. Он не стал возражать против заботы начальника, равно как и не счёл нужным сообщать ему, что ледяная вода – его многолетняя привычка.

И вновь повисло молчание. Тан Жуань Цин смотрел на экран, где в развлекательной программе одно за другим выдвигались предположения о Шань Я Туне, затем переводил взгляд на главного героя скандальных новостей и с удивлением замечал, что лицо юноши хранит почти неестественное спокойствие.

Сколько артистов в этом кругу способны оставаться невозмутимыми перед лицом скандальной молвы? И при этом – новичок, только ступивший на эту стезю. Будь то гнев или радость, хоть какая-то реакция должна же быть. Однако этот человек был слишком спокоен, до такой степени, что его безмятежность начинала казаться нереальной, почти призрачной.

- К съёмкам привыкаешь? – Ло Янь Цянь отставил чашку и с тревогой спросил.

- Сносно, – Шань Я Тун откинулся на спинку дивана, устраиваясь поудобнее. – Съёмочный процесс – он всегда одинаков. Ты сам снимался, тебе должно быть знакомо.

Ло Янь Цянь вспомнил те сцены, которые видел, когда приезжал на площадку, и нахмурился. Вряд ли всё было так легко, как описывал Я Тун, однако он был бессилен помочь и не мог ничем облегчить его участь. То, как Шань Я Тун смотрел на шоу-бизнес, было чересчур зрелым, настолько, что Ло Янь Цянь попросту не находил места, где мог бы приложить свою помощь.

Он и сам не ведал, почему этот юноша, столь несовпадающий с собственным внешним обликом (1), так сильно тревожил его сердце. Быть может, в нём угадывались черты того человека; быть может, лишь он один замечал холод, скрывавшийся за застенчивой улыбкой юноши, – а может, дело было не в том, что юноша показывал кому-то свою иную сущность, а в том, что он сам, Ло Янь Цянь, по собственной воле позволил себе увидеть в нём эту иную грань.

Какова бы ни была причина, так или иначе он начал обращать внимание на этого юношу и заметил то, что роднило его необычность с тем далёким человеком.

Сам не заметив как, он уже устался на юношу – словно это стало только что сложившейся привычкой. От неё ещё можно было бы избавиться, но он не хотел. Не хотел расставаться с этим ощущением.

- По словам информированных источников, Юань Вэнь, исполняя обязанности ведущего вокалиста группы "Небесные Мальчики", неоднократно позволял себе разыгрывать большую карту (2), и даже позволял оскорбительные высказывания в адрес Шань Я Туна: называл его идиотом, ни на что не годным и прочими унижительными словами. Подобные факты, по общему мнению, вызывают крайнее изумление, и многие недоумевают: как в одной команде могли происходить такие вещи?

С экрана телевизора лился сладкий голос ведущей, доносивший до зрителей однозначный посыл: поступки Юань Вэня были до такой степени возмутительны, что их трудно даже вообразить.

Шань Я Тун скосил глаза на лицо Тан Жуань Цина.

- Господин Тан, я слышал, что директор этого телеканала с Вами в самых близких приятельских отношениях.

- О? - Тан Жуань Цин принялся вертеть в пальцах стакан с ледяной водой, который только что отнял у юноши. - Не думал, что Я Тун так хорошо осведомлён о моих делах.

Шань Я Тун приподнял бровь. Судя по всему, он уже успел составить мнение о самовлюблённости этого мужчины. Он выключил телевизор, откинулся на спинку дивана, всем весом вдавившись в мягкую обивку, и прикрыл глаза.

- Знать основные привычки начальника - базовое качество хорошего подчинённого.

- Однако если подчинённому известно о начальнике слишком много, это уже не имеет отношения к качеству, а скорее связано со скрытыми мотивами, - Тан Жуань Цин по-прежнему улыбался, но Шань Я Тун отчётливо видел тот ледяной холод, что таился в глубине его зрачков.

Шань Я Тун усмехнулся и не стал возражать. В ту же секунду зазвонил его телефон, нарушив эту странную, исполненную взаимного пронизывающего смеха игру. Ло Янь Цянь, сидевший рядом, невольно подумал, что улыбки этих двоих были до жути пугающими.

- Здравствуйте, - тёплый, но официальный тон был привычкой, которую Шань Я Тун приобрёл ещё в прошлой жизни, отвечая на звонки.

Тан Жуань Цин, не сводя глаз с профиля юноши, погрузился в задумчивость.

- Брат Сяо? - голос Шань Я Туна не изменил тональности, однако даже двое других безошибочно поняли, кто звонил.

- Всё в порядке, я уже дома, спасибо за беспокойство.

- Репортёры? - Шань Я Тун тихо рассмеялся. - Нет, не было. Меня проводил домой господин Тан.

На том конце провода Сяо Ци Шэнь с недоумением воспринял слова юноши. Тот сказал ему правду - настолько откровенную, насколько это вообще было возможно. То, что начальник лично провожает подчинённого домой, обычно тщательно скрывают от сослуживцев из той же компании. Почему же Шань Я Тун так легко выложил ему это?

- Брат Сяо? - по-видимому, не услышав ответа, голос юноши в трубке слегка дрогнул, окрасившись тенью недоумения.

- Раз всё хорошо, отдыхай дома, - Сяо Ци Шэнь завершил разговор и нахмурился. Неужели Тан Жуань Цин и впрямь намеревался воспользоваться служебным положением и "негласными правилами" в отношении Шань Я Туна?

Это совсем не вязалось с его обычным поведением и устоявшимися привычками.

Шань Я Тун захлопнул крышку мобильного. Вместо того чтобы позволить Сяо Ци Шэню узнать обо всём от третьих лиц, лучше было рассказать самому - это всего лишь один из принципов жизненной мудрости.

Когда часовая стрелка приблизилась к семи, Шань Я Тун выпроводил обоих гостей под благовидным предлогом: он, мол, не желает утруждать себя приготовлением ужина для лишних ртов.

Поэтому Ло Янь Цянь так и не получил возможности спросить, какие отношения связывают Шань Я Туна и Сяо Ци Шэня.

---

1. 表里不一 (biǎo lǐ bù yī) - дословный перевод - внешнее и внутреннее не едины - устойчивая идиома, означающая расхождение между тем, как человек выглядит со стороны, и его подлинной сущностью; двусмысленность, лицемерие, когда внешний облик полностью противоречит внутреннему содержанию.

2. 耍大牌 (shuǎ dàpái) - играть большой картой - идиоматическое выражение, описывающее поведение человека, который, обладая известностью или властью, ведёт себя высокомерно, пренебрежительно относится к окружающим, позволяет себе капризы и неуважение; аналог русского "звёздная болезнь".